

Газета "Ставропольская правда" публикует интервью и.о. руководителя следственного управления СКР по Ставропольскому краю Игоря Иванова, приуроченное к шестой годовщине Следственного комитета Российской Федерации

О следователях, преступниках и коррупции

5 января исполнилось шесть лет Следственному комитету России. Сегодня гость «[Ставропольской правды](#)» – Игорь Иванов, и. о. руководителя следственного управления Следственного комитета РФ по Ставропольскому краю.

– Игорь Николаевич, как вы считаете, за шесть лет Следственный комитет как отдельное ведомство состоялся?

– Шесть лет – это последние страницы нашей новой истории. За это время стало ясно, что самостоятельность пошла нам на пользу. Об этом можно судить по той работе, которую делаем ежедневно и ежечасно, по тем результатам, которые есть у наших следователей. О них и ваша газета, и другие СМИ не раз рассказывали.

На мой взгляд, Следственный комитет состоялся как самостоятельный, полноценный, самодостаточный орган государственной власти, который решает серьезные задачи уголовного преследования лиц, совершивших преступления, раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений против личности, интересов государства и общества. Только мы расследуем уголовные дела в отношении так называемых спецсубъектов, то есть людей, обладающих специальным статусом, в отношении которых существует особый порядок возбуждения уголовных дел. Это чиновники, следователи, прокуроры, адвокаты, судьи и так далее. И только мы занимаемся тяжкими и особо тяжкими преступлениями против несовершеннолетних. Примеров конкретных уголовных дел можно привести много: и убийства банды Надуева, и заказные убийства фермеров в Нефтекумском районе, и взяточничество экс-министра образования Лямина, и многие другие.

– Сколько дел в год расследует ваше ведомство?

– За минувший год около четырех тысяч дел находилось в производстве у следователей. Окончено и направлено прокурору, а потом в суд 2100 дел. А если подвести итоги шести лет, то в производстве у нас было 15 тысяч уголовных дел, причем дел сложных, опасных для государства и общества. 12 тысяч из них в отношении 15 тысяч преступников мы направили в суд. Это 600 убийц, почти 500 – преступники, нанесшие тяжкие телесные повреждения, которые тоже привели к смерти, 450 насильников, около 400 взяточников.

– Что, на ваш взгляд, стало главным за эти шесть лет?

– Главное – это тот коллектив, который сегодня работает в следственном управлении. Он способен решать все задачи, которые перед нами стоят. Кстати, кадры для себя мы сейчас формируем начиная со школы.

– Я, конечно, понимаю, что председатель СКР Александр Бастрыкин особое внимание уделяет подготовке кадров и, в частности, кадетскому движению. Но что за необходимость готовить следователей со школьной скамьи?

– Кадетские классы созданы на Ставрополье в 2012 году, время показало, что это правильное решение. Мы участвуем в обучении четырех классов кадетов. Школа – это первый этап многоступенчатого образования следователей, потом институт (кстати, по нашим направлениям в следственных вузах учатся десятки людей), после окончания они приходят на работу к нам. На мой взгляд, чем раньше мы начнем воспитывать человека в духе нетерпимости к нарушениям закона, уважения к нему, тем профессиональнее будут

следователи, которые в конечном итоге придут к нам. Они будут принимать ценности, которые существуют в государстве и обществе. Проводя такую работу, мы надеемся на то, что человек, выходя из школы и поступая в наши профильные учебные заведения, уже будет иметь представление о профессии. И знаете, очень заметна разница между выпускниками обычных школ и кадетами. Если первые прежде всего думают о престижности профессии следователя, то вторые уже четко и твердо понимают, чем они будут заниматься в жизни.

– Понятно, что прокуратура – мать ваша, в хорошем смысле этого слова. Когда СКР выделился из прокуратуры, все следователи были «их». А сейчас? Сформировался ли какой-то свой костяк?

– Да, конечно. Если шесть лет назад, тут вы совершенно правы, стопроцентно у нас работали следователи, пришедшие из прокуратуры, то сейчас качественный состав заметно поменялся. Кто-то ушел на пенсию, кто-то стал руководителем, кто-то занялся другой работой. Сейчас у нас 34 процента – сотрудники до 30 лет. У нас есть и резерв, который мы сами формируем, есть общественные помощники следователей, которые трудятся непосредственно с ними и набираются опыта.

– А люди довольны своей работой или увольняются?

– Из 361 человека в прошлом году уволились 18. Но в основном они ушли на повышение в центральный аппарат, уехали в другие регионы, кто-то просто сменил профессию. На улицу от нас не уходят. А к нам – и это естественный процесс – приходят из полиции, службы судебных приставов, прокуратуры.

– А есть такие, кого вы просто выгнали? Как вообще вы наказываете сотрудников?

– В прошлом году мы уволили двух сотрудников, как принято говорить, по отрицательным мотивам. Они систематически нарушали закон, затягивали расследование дел, делали это некачественно, нарушали права участников процесса. Для нас приоритет – это качество расследования, по этому показателю нас и оценивают. А нарушения, которые случаются, не только прокуратура у нас находит, но в первую очередь мы заинтересованы в их выявлении. Процессуальным контролем занимаются руководители судебных подразделений, в аппарате есть отдел процессуального контроля, который проверяет и работу следователей, и жалобы на них. При наличии оснований сотрудников, допустивших нарушения, наказывают.

– Игорь Николаевич, казалось, что в СКР после разделения с прокуратурой останутся только самые важные и самые тяжкие преступления. На деле мы видим, что ваши сотрудники заняты, на мой взгляд, и рутинной – ушедшими из дома подростками, битьем полицейских физиономий (у меня лично такие стражи порядка сочувствия не вызывают: если не могут защитить себя, как защитят нас?), пьяными убийствами и так далее. Не обидно ли?

– Не обидно. Такая работа, иначе нельзя. Что касается полицейских, то я убежден, что защищать власть от неправомерных действий любого лица – это наша обязанность как органа государственной власти, простите за тавтологию. К сожалению, у нас совершается немало преступлений в отношении сотрудников полиции. Это оскорбление, применение насилия, посягательство на их жизнь. Приведу недавний пример. Преступники пытались ограбить ломбард «Золотой», а сотрудники полиции противостояли им. Мы расследуем дело банды, куда входят пять человек. Я так скажу, если полицейские отстаивают принципиальную позицию, законно действуют от имени государства, то их авторитет мы должны защищать.

– Следственное управление расследует много дел о половых преступлениях против несовершеннолетних, когда ситуация вполне жизненная: ему 18, ей 15. Все по согласию, но ему предстоит сидеть в тюрьме. К нам в редакцию обращалась молодая мама 17 лет из Кочубеевского района, ее гражданский муж кормил не только ее с ребенком, но и всю семью, что теперь с ними будет? Могут ли ваши следователи подойти к таким ситуациям по-человечески?

– Если молодой человек вступает в половую связь с девочкой, не достигшей 16 лет, и даже потом добросовестно воспитывает их ребенка, он все равно должен нести ответственность. Следователь (даже если в душе понимает и сочувствует) не может не исполнять закон. Поскольку существует уголовная ответственность за такие действия, то он обязан провести следствие, выяснить все обстоятельства и направить дело прокурору.

– А лично вы как к этой проблеме относитесь?

– Так же. Я считаю, что, когда молодой человек совершает такой поступок, он должен думать о последствиях. И парни должны руководствоваться не своими желаниями и большими чувствами, а помнить о мере ответственности. Ведь 16-летний возраст определен законодателем не просто так, учитывались физиологические, социальные и многие другие факторы.

– А как вообще возбуждаются уголовные дела? По сообщениям полиции?

– Путей у пострадавшего человека много. Можно обратиться в полицию, можно напрямую в органы Следственного комитета, можно в любые другие правоохранительные органы, которые вправе зарегистрировать сообщение о преступлении.

– А на выездных приемах, которые проводит руководство следственного управления, люди приходят только жаловаться или сообщают о преступлениях?

– В основном, конечно же, они приходят с жалобами. Но знаете, что интересно, жалоб на действия наших следователей поступает гораздо меньше, чем на действия сотрудников других органов государственной власти. И очень трудно объяснить, что проверить какой-то орган

власти не всегда в наших полномочиях. Но мы всегда рассказываем, куда человек может обратиться. А вот если нам сообщают о преступлениях, такие заявления мы обязательно регистрируем и проводим проверки.

– А насколько можно говорить о широте взглядов следователей? На мой взгляд, существует некая зашоренность не только в вашем, но и в других правоохранительных ведомствах. Если мнение составлено по отношению к обвиняемому, например, то его практически невозможно изменить, и под эту версию «подгоняются» все другие обстоятельства. Я могу привести конкретные примеры, но не в них суть...

– Уверяю вас, что у следователей СК в Ставропольском крае такой зашоренности нет. И поверьте, установление истины по делу – не только указание руководства СКР, но и ориентир для всех следователей. Наша задача не в том, чтобы любой ценой доказать причастность конкретного человека к тому или иному преступлению, как говорят, «притянуть за уши». Наша задача – установить истину. В аппарате управления есть подразделение, сотрудники которого занимаются процессуальным контролем – регулярно изучают дела, проверяют выдвинутые версии и планы расследований. Проверяют, насколько эффективно эти версии и планы отрабатываются. И наказываем тоже мы. В прошлом году были наказаны 70 следователей за то, что они в той или иной мере допустили нарушения по службе. Любой человек может ошибиться. В нашем случае, когда 160 следователей расследуют тысячи дел, проверяют десятки тысяч сообщений о преступлениях, ошибки неизбежны. Но нарушение нарушению рознь. Может быть процессуальная ошибка, а может просто не хватать подписи на одном из листов уголовного дела. Важнее, что в конечном итоге все эти нарушения были выявлены и исправлены.

– Но пресловутый процент оправдательных приговоров настолько низок, что создается впечатление, что ваше ведомство подмяло под себя все другие правоохранительные органы. Если что-то было зафиксировано в ходе следственных действий, ни суд, ни прокуратура не в силах повернуть все вспять. Может, я ошибаюсь?

– Ошибаетесь. И мне кажется, что даже вопрос не вполне корректен. Каждое из правоохранительных ведомств – полиция, прокуратура, Следственный комитет, ФСБ – занимается своей работой в рамках предоставленных полномочий. Цель у всех одна – объективно разобраться с теми или иными общественно-опасными происшествиями. И если обжалование наших действий удовлетворяется редко, то это вовсе не говорит о том, что суд идет нам навстречу. Или прокуратура идет нам навстречу. А если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны? Очень небольшой процент оправдательных приговоров можно расценить и как высокое качество работы следователя. Нас порой ругают за то, что мы не в одно мгновение возбуждаем уголовные дела. Но сначала проводится проверка, в ходе которой серьезно и скрупулезно исследуются все обстоятельства. Это не затягивание процесса, а возможность уже

на первоначальном этапе избежать ошибок. Разве это плохо, что к возбуждению уголовного дела следователь приходит с уже накопленным багажом знаний по обстоятельствам преступления? Поэтому и вопрос об избрании меры пресечения ставится уже на основании фактов, а не версий и домыслов следователя. Такой подход и дает нам возможность избежать многих ошибок, поэтому и процент удовлетворенных судом жалоб на действия следователя невелик. Например, в истекшем году он составил всего 9 процентов.

– Вы всегда довольны тем, что о вашем ведомстве пишут в СМИ?

– Не всегда. Я хочу, чтобы и ваша газета, и другие СМИ освещали нашу работу объективно, не смаковали подробности произошедших трагедий, а акцентировали внимание на сложной и кропотливой работе по раскрытию и расследованию преступлений. Ведь цели следственных органов и средств массовой информации здесь общие – закрепить в сознании людей незыблемость принципа неотвратимости наказания.

[Валентина ЛЕЗВИНА](#) , СП от 17.01.2017 № 5

http://www.stpravda.ru/20170117/stavropolskie_sledovateli_za_6_let_otpravili_za_reshetku_15_tys_y_99592.html

17 Января 2017

Адрес страницы: <https://stavropol.sledcom.ru/news/item/1094572>